

Семья Васильевых

В январе и апреле этого года газета «Вперед» опубликовала две главы из документальной повести В. Лукина «Подпольщики». Главы назывались «Это было в Должино» и «Подполье начинает действовать». В них рассказывалось о волотовских патриотах, которые создали антифашистскую подпольную организацию, успешно действовавшую до марта 1942 года. Некоторые волотовцы, взяв в руки оружие, ушли в лес и вели беспощадную войну с оккупантами.

Предлагаем вниманию читателей новую главу из повести В. Лукина. В ней рассказывается об активных подпольщиках — учительнице Нине Павловне Васильевой и ее сыне пионере Мише.

НОЧЬ. Деревня Должино. Улица безлюдна. Изредка в чьем-либо дворе взлетает собака, и вновь тишина. Но вот на улице появилась одетая в серое платье женщина. Это была Нина Павловна Васильева. Она бесшумно подошла к дому Демьяновых, сунула в дверную щель газету с вложенной в нее листовкой и, прежде чем вновь выйти на дорогу, стала внимательно вглядываться и вслушиваться в ночь.

«Что это?» — до нее донесся чей-то приглушенный кашель. Затем послышались неторопливые шаги. Вот вспыхнул огонек спички, и Нина Павловна увидела лицо одного из них.

«Немецкий патруль», — догадалась она и медленно отступила с тропинки в куст сирени. Мимо нее, по дороге, молча прошагали два солдата. Они внимательно смотрели вперед, лишь изредка озирались по сторонам. На шее у каждого висели автоматы, руки лежали на оружии. Когда патрули скрылись из виду, Васильева вновь вышла на дорогу, пересекла ее, около колодца остановилась. Вынув из кармана вареную картофелину, быстро потерла ею по деревянной крышке, закрывавшей сверху колодец, на образовавшийся липкий слой ладонью прилепнула листовку. Затем обошла еще несколько домов и везде в дверные щели просовывала по листовке. На краю деревни подошла к старой дуплистой иве. Огляделась. Вынув из-за пазухи пачку листовок, сунула их в дупло. Она знала, что ночью кто-то из соседнего села придет за ними, и завтра листовки появятся не только в Должино, но и во всей округе.

Сделав все это, Нина Павловна вдруг почувствовала какую-то тревогу. Ей показалось, что за нею кто-то наблюдает. Она пригнулась и быстро прошла мимо крайнего дома, у стены второго затаилась. Следом за ней от дома к дому мелькнул силуэт мальчика.

«Да это же Миша! — узнала в мальчике сына Нина Павловна.

— Миша, это ты? — тихо окликнула она его.

— Я, мам... — так же тихо ответил мальчик и,

потупя голову, подошел к ней.

— Что ты здесь делаешь? Почему не дома? — озбоченно спросила она.

Мальчик замаялся, шмыгнув носом, полупшепотом ответил:

— Тебя охраняю.

— От кого же?

— А вдруг фашисты или полиция за тобой погонятся, тогда я...

— И что же ты сделал бы?

Миша, вынув из кармана гранату-лимонку, и, показывая ее матери, прошептал: — Им бы под ноги швырнул...

Увидев в руках сына гранату, Нина Павловна поблуднела, протянула к Мише руку и шепотом, не терпящим возражения, сказала: — Дай ее мне!

Миша нехотя протянул ей гранату.

— Может у тебя еще что-нибудь есть?

— Нет.

Мать огляделась вокруг. Разглядев в стороне мостик, подошла и сунула под него гранату. Затем, взяв сына за руку, молча повела домой.

Нина Павловна Васильева, крупная, большеглазая и пышноволосяя женщина лет сорока восьми работала в Должинской неполной средней школе учительницей. Рано овдовев, растила трех сыновей. С детства приучала их к самостоятельности, и это ей удавалось. Все они хорошо учились, умели постоять за себя, помогали ей по хозяйству: заготавливали дрова, вскапывали и поливали огород, расчищали от снега двор, делали и многое другое.

Ее муж — Александр Васильевич после тяжелых ранений на фронтах гражданской войны вернулся в Должино с плохим здоровьем. Вначале он был назначен комиссаром отряда по борьбе с бандитизмом, а затем избран секретарем волостного комитета ВКП (б). Но сказались тяжелые ранения. Он умер в тридцатом году совсем молодым.

Трудно было одной растить детей, но Нина Павловна не унывала. Ее хватало на все: и на работу в школе, и в огороде, и по дому, и каждым летом она выходила на покос вместе с колхозниками.

За оптимизм, рассудительность и огромную трудоспособность уважали Нину Павловну на селе. Не случайно она дважды избиралась депутатом районного Совета.

Двое ее старших сыновей, окончив десятилетку, поступили в ленинградские институты. Но как только началась война, они бросили учебу и ушли добровольцами на фронт. Осталась она с младшим — Мишей. Он был не только ее любимцем, его уважали многие жители села. Миша был стройным, голубоглазым, ловким в движениях, всегда веселым и изобретательным. Он хорошо играл на мандолине. Обычно к нему присоединялись старший брат с балалайкой и Александр Немков с гитарой. Их маленький оркестр приносил много удовольствия жителям деревни, любившим послушать в их исполнении русские народные песни.

И вот сейчас, застав Мишу с гранатой, мать почувствовала всю опасность, которая нависла над ее младшеньким.

Придя домой, Нина Павловна закрыла наружную дверь на крючок, зажгла в кухне коптилку. Достав пачку папирос, села около печки, закурила.

Миша знал, что мать курит, но ни разу не видел ее за этим занятием: она всегда курила одна, украдкой от сыновей. И то, что мать впервые открыто при нем закурила, и то, что была она сейчас какою-то неестественно строгой, Миша понял, что предстоит серьезный и длинный разговор.

Наконец, Нина Павловна тихо, но сурово заговорила:

— Ты знаешь, что с нами всеми будет, если немцы найдут в доме оружие?

— Мам... А если они найдут у нас на сеновале раненого красноармейца... помилуют?

Нина Павловна, с испугом посмотрев на сына, бросила окурки в печь и сейчас же закурила вторую папиросу. Глубоко затянувшись, в уме подбирала убедительные для сына слова, но никак не могла их найти.

Воспользовавшись замешательством матери, Миша быстро и горячо заговорил:

— Я все знаю. И про раненых, и про листовки, и как вы их с Татьяной Ефремовой пишете печатными буквами, а по ночам расклеиваете. Ты меня маленьким считаешь... А я давно вырос. Если ты не будешь доверять, я к партизанам уйду. Так и знай...

(Продолжение следует)

Семья Васильевых

(Продолжение, начало в № 139).

— Сынок! Что ты говоришь? — с мольбой в голосе выдохнула мать.

— Ты же еще мал.

Но сын не дал договорить, он с жаром продолжал доказывать свою правоту:

— Как это «мал»? Мне уже четырнадцать. А не ты ли рассказывала, как Гайдар в шестнадцать полком командовал. В пример ставила. Ты же знаешь, что в школе я занял первое место по стрельбе из малокалиберной винтовки, дальше всех гранату кидаю. Меня партизаны обязательно в отряд возьмут.

Нина Павловна курила папиросу за папиросой. Ее тревожный взгляд то останавливался на Мише, то устремлялся на стену, на которой висели фотографии двух старших сыновей, о судьбе которых после их ухода на фронт она ничего не знала. Потом она встала с табуретки, медленно подошла к Мише, обняла его и, растягивая слова, тихо выдохнула: — Ладно уж, сынок, я подумаю, что можно будет тебе доверить... Но обещай без моего разрешения ничего против гитлеровцев не предпринимать и в дом оружия не приносить.

Мать прижала голову сына к своей груди. Миша пытался посмотреть ей в лицо, но она почувствовав это, еще крепче прижимала сына к себе. Миша понял: мать плачет, но не хочет, чтобы он это видел.

— Я, мам, все понял, — торопливо заговорил мальчик. — Ты не беспокойся. Я выполню все, что ты скажешь...

Эта ночь была бессонной для Нины Павловны, хорошо понимавшей, что грозит ей и сыну, если их выследят фашисты. Особенно сильно сжималось сердце, когда она думала о своем младшеньком. Зато эта же ночь была для Миши необыкновенно радостной и счастливой: ему стали доверять взрослые. Он давно мечтал об этом. Тайком от всех собирал в лесу оружие и прятал в овраге. Верно, больше попадалось поврежденное, но его же можно было отремонтировать.

Чтобы не навлек подозрения, Миша всегда

возвращался из лесу домой с корзинкой грибов или ягод. Мать обычно ласково подшучивала над ним, глядя на его выпачканные черникой губы: — Опять ходил в лес с медведем целоваться?..

В ответ Миша только улыбался.

* * *

...НОЧЬ выдалась светлая. Редкие облака лишь на короткое время закрывали луну. Порывистый ветер приглушенно шумел листвою. К сараю, утонувшему в крапиве, осторожно крались со стороны огорода Немков, высокий плечистый парень, и Миша, щупленький паренек, смекалистый и ловкий в движениях, до лихости смелый и по-мальчишески дерзкий. Ночью он один ходил через лес в соседние деревни, разнося по явкам под носом гитлеровцев газеты и листовки. Обратное нес полученные от подпольщиков разведывательные данные и сведения.

И теперь, собранный и сосредоточенный, он бесшумно полз в темноте за Немковым. Сырая от недавних дождей земля скрадывала шорохи. Миша был горд, что шел на такое серьезное дело. Он, как и все другие ребята, души не чаял в Александре — первом силаче в их селе.

Еще днем, когда немцы пьянствовали, Немков выставил слабо державшуюся раму в окошке сарая и вновь поставил на место. И теперь ее можно было снять без шума.

Вот и сарай. Затаив

дыхание, чуть высунув из крапивы головы, они стали вслушиваться: по-прежнему в деревне было тихо, в стороне от сарая смутно вырисовывались контуры грузовых машин, над головами плыли темные облака. Но вот часовой вышел из-за угла, Немков и Миша, увидев его, пригнули головы. Часовой, постояв секунду около двери сарая, медленно пошел к стоящим в стороне машинам. Притаившиеся быстро поползли вперед. Александр бесшумно вытащил раму. В следующий момент в темное отверстие пролез Миша. Вскоре Немков принял первую винтовку, вторую, третью...

Наконец, в окне пока залась голова мальчика.

— Все, — тихо прошептал он.

К утру оружие было скрыто в тайнике.

— Запомни это место, Михаил, — сказал Немков. — Возможно, ты и будешь передавать наш подарок партизанам.

ПРИВЫКШИЙ к опасности, Немков спал чутко и поэтому сразу услышал за стеной осторожные шаги и легкое поскрипывание снега. Приподнявшись на локтях, он прислушался. В окно тихо стукнули три раза, немного погодя, еще два. «Кто? Командир? Вроде не время. О встрече не договаривались...» Немков вскочил, сунул в карман пистолет, накиннув на плечи полушубок, осторожно вышел в сени.

(Продолжение следует)

На снимках: сверху — Нина Павловна Васильева с сыном Мишей; на нижнем снимке — выпускной класс

Должинской семилетней школы. Средний ряд — учителя (крайняя справа — Н. П. Васильева).

Семья Васильевых

(Продолжение, начало
в №№ 139, 142).

Засветил законченный фонарь и ногой толкнул дверь. «Командир!»

Васькин быстро вошел, прикрыв дверь, простуженным голосом сказал:

— Срочное дело, Александр. Очень ответственное. Нужен надежный человек.

— Далеко идти?

— В Верехново.

— Пятнадцать верст. Но там на каждом перекрестке патруль. Чуть что не так — пуля. Может быть, Танюшу Ефремову пошлем?

— Опасаюсь за нее. Она только что из Порхова вернулась, привезла ценнейшие сведения. Как бы не навести на подозрения.

— Верно. Да и, сдастся мне, староста что-то пронюхал, глаз с нее не спускает, — согласился Немков. — Тогда остается одно — Миша.

— Пожалуй, да...

Немков надел полушубок и вышел на улицу. Павел Афанасьевич подошел к теплой печке и только теперь почувствовал во всем теле страшную усталость и озноб. Подумал: «Как это приятно скинуть отсыревшие валенки и завалиться на теплую печку. Моментально бы уснул. И эта невовремя приставшая простуда исчезла бы сама собой». Он достал кисет, взял щепоть махорки, но, глянув в окно, увидел, что Александр и Миша подходят к дому. Вышел в сени. На небе зарождался рассвет. Миша уже приоткрылся в путь. На нем была старая, в заплатках шубейка, отцовский трюх, через плечо висела пастушья торба с ломтями черствого хлеба.

— Задание, сынок, очень ответственное, — одоббив «одежку» связанного, проговорил Васькин. — Этот листок не должен попасть в руки. Если что, уничтожь его.

— Когда выходить?

— Сейчас. Помни, в Верехново ты должен прийти не позже двенадцати дня. Явку не забыл?

— Помню.

— Ну, герой, иди. Будь осторожен.

Прикрыв за связным дверь, Павел Афанасьевич подошел к окну, подышал на запыленное стекло и увидел в «глазок», что Миша уже, перейдя деревенскую улицу, поднялся на взгорок и, став на лыжи, нырнул в заросли ольшаника.

Немков, посмотрев в пылающее усталое лицо Васькина, с тревогой спросил:

— Что с вами, Павел Афанасьевич? У вас вид очень больного человека.

— Да, Александр, по видимому, я где-то простыл, едва до тебя дошел, — хриловато, надтреснутым голосом ответил Васькин.

— Забирайтесь-ка тогда на печку, прогрейтесь. А я сейчас лекарство приготавливаю, — и, заглянув в кухню, спросил: — Мама, у нас малиновое варенье есть?

— Вон на полке стоит. А что?

— Согрей чайку, да побыстрей. Надо Афанасьевича подлечить.

— Сейчас, сейчас, сынок, — ответила мать и

На снимке (справо налево): Миша Васильев, Нина Павловна, ее сестра Зинаида Павловна и старший брат Миши — Николай. (Фото 1939—40-х годов).

закопошилась около самовара.

Васькин маленькими глоточками пил горячий чай с вареньем. Чай сладко пах малиной, напоминал лес, мирную жизнь. На лбу и лице появились капельки пота, но Васькин, по рекомендации Немкова, допил и вторую кружку. Затем полез на печь. Александр же, прежде чем укрыть его полушубком, поднес стакан с мутной жидкостью:

— Выпейте. У нас так всегда от простуды лечатся, — и, увидев, что Васькин недоверчиво смотрит на стакан, проговорил: — это самогон-первач, прогреет нутро лучше горчичников... — Павел Афанасьевич, залпом выпив, взял из рук Немкова кусочек хлеба с салом, пожевал, укрылся полушубком и надолго затих на печи. Он пролежал в сильном жару несколько дней, а чуть поправившись, сразу покинул гостеприимный дом.

... Прошедший накануне снег запылил старые следы, еще плотнее укутал белым покрывалом леса и поля.

... Миша быстро бежал по знакомому следу. Снег скрипел под лыжами: скольжение было легким, свободным. И часа через полтора-два он уже был у околицы Верехнова. Оставив лыжи в кустах, вышел к одинокой бане, притулившейся к самому лесу. Но только ступил на припорошенную сухим снегом тропинку, как услышал:

— Стой! Руки вверх!

Чья-то сильная рука оторвала Мишу от земли и швырнула в предбанник.

— Кто такой? Куда идешь? — коверкая слова, спросил рыжий скуластый полицейский, крепко сжав мальчишку руку. Боль поддействовала на опешившего было Мишу. Он испуганно втянул голову в плечи и заплакал. По щекам покатились крупные слезы.

— Пустите меня, дяденька. Побираюсь я. У меня мамка больная, есть хочет.

Но рыжий так заломил руку, что у Миши почернело в глазах. Он закричал еще громче.

— Стало быть, ты, хлопец, пешком шел?

— А то как же?

Каратель быстро пошел по следу связанного и скоро

вернулся с лыжами. «Все, — мелькнула мысль у пионера. — Теперь не уйти».

Мише связали руки, привезли в избу старосты, стали допрашивать, избивать. Он по-детски плакал, незаметно поглядывая на ходики, отвечал. Стрелки показывали половину двенадцатого. Затем его раздели, полицейский обшарил пиджак, шубу. А когда взялся за сумку, Мише показалось, что у него остановилось сердце. Там, за одной из заплат, лежало донесение, в котором сообщалось о количестве фашистских войск, их вооружении, дислокации в Вологовском, Дновском и Порховском районах, а в конце сделана следующая приписка: «... гитлеровцам стало известно, что в районе деревни Должино должен пройти с небольшой охраной комбриг Васильев. На его опознание наделены все старосты и полицейские близлежащих сел, сюда же переброшен карательный отряд...»

Рыжий вытряхнул на стол сухие горбушки, осмотрел сумку и, зло швырнув к двери, крикнул:

— Убирайся!

Миша кинулся собирать сухари, потом накинуд шубейку и, прижав к боку сумку, выскочил на улицу. Зайдя в несколько домов и попросив милостыню, он открыл калитку к Тихову. Молва о пойманном партизане уже прокатилась по селу, и Михаил Тимофеевич не на шутку встревожился. Увидев связанного, он врубил топор в березовый края и, хотя знал Мишу, спросил:

— Откуда будешь, малец?

— Из Луги, — назвал пароль, нищенка.

— Не ждали, — тихо ответил Михаил Тимофеевич отзыв и, увидев, что у Миши дрожат руки, ласково спросил: — поди пытали?

— Было. Но, вроде, обошлось, — ответил Миша. У него еще дрожал голос и по телу прокатывалась нервная дрожь.

Михаил Тимофеевич повел его в сени. Здесь Миша, оторвав заплатку на сумке, вынул донесение и передал его Тихову. Тот, прочитав его, сразу же полез на сеновал.

(Продолжение следует)

Семья Васильевых

(Продолжение. Начало в №№ 139, 142, 144.)

Вскоре из калитки его дома вышла девушка в поношенной стеганке и быстро зашагала в конец деревни.

ПРОШЛО два месяца. Павел Афанасьевич переехал жить в деревню Остров Дедовичского района, что была в километрах тридцати от Должино. Около нее действовал партизанский отряд, и полиция боялись в ней появляться.

Морозными узорами разукрасила зима спящий лес. Стволы и ветви деревьев, покрытые инеем, искрились на солнце. Изредка в лесу раздавались резкие щелчки, напоминающие удары пастушьего хлыста: мороз крепчал, а скованные холодом деревья, не выдержав его натиска, лопались с шумом, как бы говоря, что уже промерзли насквозь и дальше терпеть им немогут.

По лесной санной дороге со стороны Должино к деревне Остров торопливо шагал мальчик лет четырнадцати. Был он одет в белый, заштопанный полушубок, в старые, с проносившимися пятками, валенки и в серую шапку с опущенными ушами. Через плечо паренька была перекинута лямка от пустой нищенской сумки, болтающейся на боку.

Вдоль дороги кружилась поземка. Морозный ветер обжигал щеки. Под валенками похрустывал снег. Чтобы согреться, мальчик иногда бежал, хлопал и махал руками. Но вот нищенка вышел из леса. Увидев впереди деревню, трусцой припустил к крайнему дому. Около двери отдышался, затем негромко, но настойчиво постучался.

Услышав, что кто-то вышел в коридор, жалобным голосом стал просить: «Подайте хри-ста-а-ради. Мамка болеет, есть нечего...»

Дверь открылась. На порог вышла сутулая пожилая женщина. Она внимательно осмотрела парнишку с ног до головы, ничего не сказав, зашла в дом и вынесла кусок хлеба и две вареные картофелины. Протягивая их нищему, с сочувствием спросила:

— Откуда ты, сердечный, идешь-то?

— Из Должино я, бабушка, спасибо! — и пошел к соседнему дому.

Васькин сидел у окна. Он внимательно наблюдал за улицей: ждал связного из Волота. Уже начало вечереть, когда увидел приближающегося к дому нищего. В нем Павел Афанасьевич сразу же узнал Мишу Васильева. Подождав, когда паренек направился к его дому, Васькин вышел в сени, приветливо улыбаясь, пригласил:

— Заходи, давно тебя жду.

Пожав мальчику руку, Павел Афанасьевич повел его к себе в комнату.

— Поди до костей промерз? — ласково и заботливо спросил он у Миши, помогая ему раздеться, и, не дожидаясь ответа, добавил: — Ничего, сейчас я тебя горячим чайком угощу, вмиг согреешься.

Васькин сходил на кухню, коротко о чем-то переговорил с хозяйками и вскоре вернулся, неся на подносе чайник, две фарфоровые кружки, хлеб и несколько кусочков сахара.

Миша обхватил ладонями кружку с горячим чаем и стал отогревать застывшие пальцы. Когда они немного отошли, он отхлебнул из кружки чаю и радостно посмотрел на Павла Афанасьевича.

— Расскажи, как добрался? — подвигая к Мише кусочки сахара, спросил Васькин.

— С Должино до Заречья — на лыжах, а дальше — пешком... Дорогой меня обогнали сани с полицейскими. Я сдуру попросился, чтоб подвезли — не взяли. Все пьяные. Один с оловянными глазами увидел меня на обочине, развернулся в сани, да так хлестнул кнутом, что и

сейчас руке больно. — Миша помолчал, а затем мечтательно добавил: — Эх, был бы у меня пулемет, я бы подпустил их поближе и та-та-та — всех к прабабушкам отправил...

— Ничего, Миша, мы еще с ними сочтемся. Как только наши под Руссой перейдут в наступление, мы все возьмемся за оружие и фашистским прихвостням припомним их темные дела.

— А мне автомат дадите? — быстро спросил мальчик и с надеждой посмотрел на Васькина.

Павел Афанасьевич внимательно посмотрел на Мишу и твердо ответил:

— Конечно, ты заслужил этого. И я верю — с автоматом ты справишься...

— Конечно, сумею, — весело и уверенно отозвался Миша. — Это мать все меня считает маленьким. А какой я маленький? Солдаты есть ниже меня ростом...

— Ну, а что в Должино нового?

— Все то же. Фрицы обыски устраивают, говорят, что ищут партизан, а сами забирают полушубки, валенки и другие теплые вещи. Да, наверное, Александр Иванович вам в письме все описал, он его зашил вот сюда, — и Миша показал пальцем на заплатку в нижней части сумки.

Васькин взял сумку, вынул из кармана перочинный ножик, осторожно отпорол край заплатки. Вынув донесение, бегло пробежал по нему глазами: «Немцев в Волоте — 500 человек. Живут в частных домах. В здании льнозавода в центре Волота расположен склад с оружием и боеприпасами (приметы завода — высокая труба). Немцы расположены в следующих деревнях: в Михалково — 700 чел., в Горках — 800 чел., в Раглицах — 200...»

Прочитав до конца, Павел Афанасьевич подошел к окну, взглянув на улицу, проговорил:

— Уже темнеет. Тебе придется заночевать у меня. Как мать — не будет тревожиться?

(Продолжение следует)

На снимке: Нина Павловна Васильева.

Семья Васильевых

(Окончание. Начало в №№139, 142, 143, 147, 148.)

— Не должна. Она сама говорила, что за день я не управлюсь.

— Вот и хорошо, — одобрил Васькин, — мы с тобой протопим стоячок, ужин приготовим...

...На улице ночь вступила в свои права, за окном кружила метель. Поужинав, еще раз попили чаю. В печке догорали последние головешки. А Павел Афанасьевич с Мишей, сидя против открытой печной дверцы, с раздумными от тепла лицами, вели непринужденный разговор обо всем, что приходило на ум.

Павел Афанасьевич подшевелил кочергой угли в печи, убедившись, что все угли прогорели, закрыл трубу. Затем подошел к окну, за которым потрескивал мороз, потрогав пальцами на стекле ледяную наморозь, полшутя спросил:

— Как, Михаил, может, соснем минутку по пятьсот, а?

— Пожалуй, можно, — нехотя поддержал паренек. Ни Васькин, ни Миша не знали и не гадавались, что эта их встреча — последняя.

ВАСЬКИН, сидя за столом, торопливо писал донесение Орлову. В это время дверь в комнату приоткрылась и в ней показался хозяин дома:

— Пришел какой-то товарищ, говорит к вам... — Веди сюда.

Вскоре в комнату вошел в заиндевших шапке и полшубке связной Солончик группы Серафим Яковлев. По его пасмурному лицу Васькин понял — случилось что-то плохое.

— У нас беда, — выдохнул он, пожимая в приветствии руку Васькина.

— Что случилось?

— Арестованы Алексеев и Михайлов, в Верхнехому — Тихов, а всего по району около сорока человек...

— Фамилии других арестованных знаешь?

— Да, — и Яковлев стал перечислять.

Среди арестованных Васькин насчитал четырнадцать подпольщиков, в том числе и своего любимца — Мишу Васильева.

— Садись, Серафим, подумаем, — предложил Васькин, лихорадочно соображая, что бы предпринять в данной ситуации для освобождения товарищей. Долг руководителя подпольной организации обязывал его сделать все возможное, чтобы высвободить их из беды. Но как это сделать — сразу на ум не приходило.

— Мы уже думали, — садясь на табурет, сказал Яковлев, — да силенок-то у нас маловато. — Верно, тюрьму охраняют двое часовых. Мы бы их за простою коннули, но по соседству казарма полицейских...

— А сколько немецких солдат в Волоте? — спросил Васькин.

— Этого мы еще не выяснили.

— Вот что, Серафим, — в раздумье проговорил Васькин, — возвращаясь к дому и передай Василию Васильевичу, чтоб немедленно уточнил коли-

чество в Волоте полицейских, где они находятся днем и ночью, а также точное расположение всех немецких воинских частей, где они находятся в его окрестностях. Да! И чтоб листовки появлялись в эти дни в разных сельских местах и в Волоте. Меня же ждите у себя завтра к ночи...

Прощавшись, Яковлев вышел из дому.

Васькин решил не посылать связного к комиссару Орлову, а самому встретиться с ним и с комбригом Васильевым. Он был уверен, что они не только одобряют его решение немедленно вернуться в Волотовский район, но и помогут советом, людьми, подскажут, как надежнее и безошибочнее вести дело, чтоб высвободить схваченных фашистами патриотов. Но его планам не суждено было сбыться. Часа через три после ухода Яковлева в дверь вновь кто-то постучал. Васькин вышел в сени.

— Это я, Яковлев, — услышал он голос Серафима из-за двери. Васькин открыл дверь. В нее вместе с клубом холода вошли Яковлев и руководитель Окровской группы Васильев.

— В чем дело? — с тревогой спросил Васькин.

— Сегодня утром без суда и следствия, — сняв шапку, стал рассказывать Васильев, — фашисты расстреляли за Волотовской МТС двадцать шесть человек. Вот список...

Васькин, взяв лист, стал читать. Он прочел в нем четырнадцать фамилий подпольщиков. И хотя на клочке бумаги были написаны лишь фамилии, Павел Афанасьевич мысленно произнес имя и отчество каждого из них, как бы прощаясь с товарищами. Да, это был сильный удар по подпольной организации: самая активная группа — Должинская перестала существовать, все девять ее членов были расстреляны.

— Кто же их выдал? — наконец, выдал из себя Васькин.

— Нам известно, что командант Гепарт обязал старост составить список коммунистов и подозрительных лиц по связям с партизанами, — начал рассказывать Васильев. — Алексеев, Михайлов и Тихов попали в эти списки как коммунисты, мы верим, что они о нас ничего фашистам не сказали. А насчет предателей, то о них можно догадаться из речи Молоткова перед старостами, полицейскими и урядниками в Волоте. Он благодарил и ставил другим в пример старост Егорова и Крылова из Должино и Вольших Грив. Обещал им за усердие в борьбе с «бандитами» и большевиками награды...

— Понятно, — сквозь зубы процедил Васькин. — Жаль, не успели мы эту сволочь вовремя распознать и уничтожить...

— Да, — поддержал Васильев, — а сейчас уже нельзя. В Волоте и в близлежащих деревнях разместились немецкие воинские части, прибывшие откуда-то из-под Старой Руссы, по-видимому, на отдых, а из Дно прибыл карательный отряд под командованием офицера Шпицке.

Это, я вам скажу, не люди, а свора голодных волков: грабят, истязают и расстреливают без суда и следствия каждого, кого заподозрят в неповиновении фашистским властям. Это они зверски расправились с арестованными в Волоте. А что они сделали с жителями деревень Починок и Бычково, вам известно? — вдруг спросил Васильев у Павла Афанасьевича.

— Нет, пока ничего не знаю, — признался Васькин.

— Заподозрив жителей этих сел в связях с партизанами, фашисты выгнали 283 человека на лед реки Полисть и всех расстреляли, — с гневом продолжал Васильев, — не пощадили даже 55 детишек, в том числе и грудных...

Так гитлеровцы действовали не случайно. Жестокими расправами они пытались запугать население, терроризировать его. Но все же сделать им этого не удалось: попов под ярмо оккупации, советские люди не захотели иметь никакой другой власти, кроме своей родной, Советской. Вот почему они полагали партизанам, создавали подпольные организации, всеми силами поддерживали Советскую Армию в ее борьбе против ненавистного врага.

Когда Васильев с Яковлевым ушли, Васькин долго не мог успокоиться. В эту ночь он не ложился спать, до утра ходил из угла в угол, курил одну самокрутку за другой, перебирал в памяти все свои действия, искал, где он — руководитель не доглядел, допустил просчет, который так дорого обошелся для подполья. И когда на улице забрезжил рассвет, решил: «Надо немедленно встретиться с Орловым и обо всем с ним посоветоваться».

ДОЖИЛ доня Победы в семье Нины Павловны Васильевой лишь средний сын — Николай. Он, как и его брат Владимир, в первые же дни войны написал несколько заявлений в военкомат с просьбой отправить на фронт, но в армию его не брали из-за близорукости. Тогда Николай стал партизаном, а затем уже добровольца, взяли в ряды Советской Армии. Воевал в роте автоматчиков. Известие о расстреле фашистами матери и младшего брата получил на фронте от своей тети — Веры Васильевны Копейкиной. Вот строки из ее письма от 7 мая 1944 года:

«Здравствуй, милый Коля!

Шлю тебе свой горячий привет и наилучшие пожелания в твоей боевой жизни. Коля, письмо твое получила, которому очень рада и которое перечитывала много раз...

Мне очень понятно, как тебе тяжело переживать такую большую утрату — потерю мамы и Миши.

Тебе хочется знать, что с ними произошло. Коля, они погибли как борцы за Родину... Мне лишь

известно, что они проводили большую и опасную работу. В комнате у мамы собирались передовые люди села, читали советские газеты, обращения тов. Сталина и листовки. Ходили к ним Гашины, Немковы, Еремеевич, Ефремова Т. и другие. Мишутка распространял советские газеты и листовки с Вовкой Зинаиды П. и Колькой Сладковым. Хищные враги заметили их работу, донесли в жандармерию. Первым схватили Немкова А. Он никого не предал. Взял все на себя. Погиб один. Остальных арестованных уже хотели отпустить домой, но на их злую долю в Волот приехал фашистский генерал. У него была цель — уничтожить в районе партизан. Он приказал расстрелять арестованных как партизан. Нишутка с Мишей шли на казнь, взявши под руки. Стреляли в них разрывными пулями. На телах было много пулевых ранений. А Мише пули попали в правую бровь навывлет и в левую руку (оторваны три пальца). Ефремова Т. не растерялась перед врагом. Перед смертью она гордо крикнула: «Погибаю за Родину! За Сталина!».

Весть о Победе Николай Васильев встретил в Прибалтике на острове Саарема. После демобилизации он вновь стал студентом Ленинградского механического института. После его окончания работает по специальности на одном из крупных заводов в Волгограде. В настоящее время Николай Александрович — начальник конструкторского бюро.

Человеком творческой мысли называют Н. А. Васильева в конструкторском отделе и называют не зря. Он автор двенадцати изобретений и пятнадцати рационализаторских предложений. Все они внедрены в производство. Ему присвоено почетное звание «Заслуженный рационализатор РСФСР».

К боевым наградам на груди Николая Александровича прибавились и награды за мирный труд. За большие успехи в создании новой техники Н. А. Васильев награжден орденами Трудового Красного Знамени и «Знак Почета», медалями «За доблестный труд» и «За трудовое отличие».

На снимке: Миша Васильев.